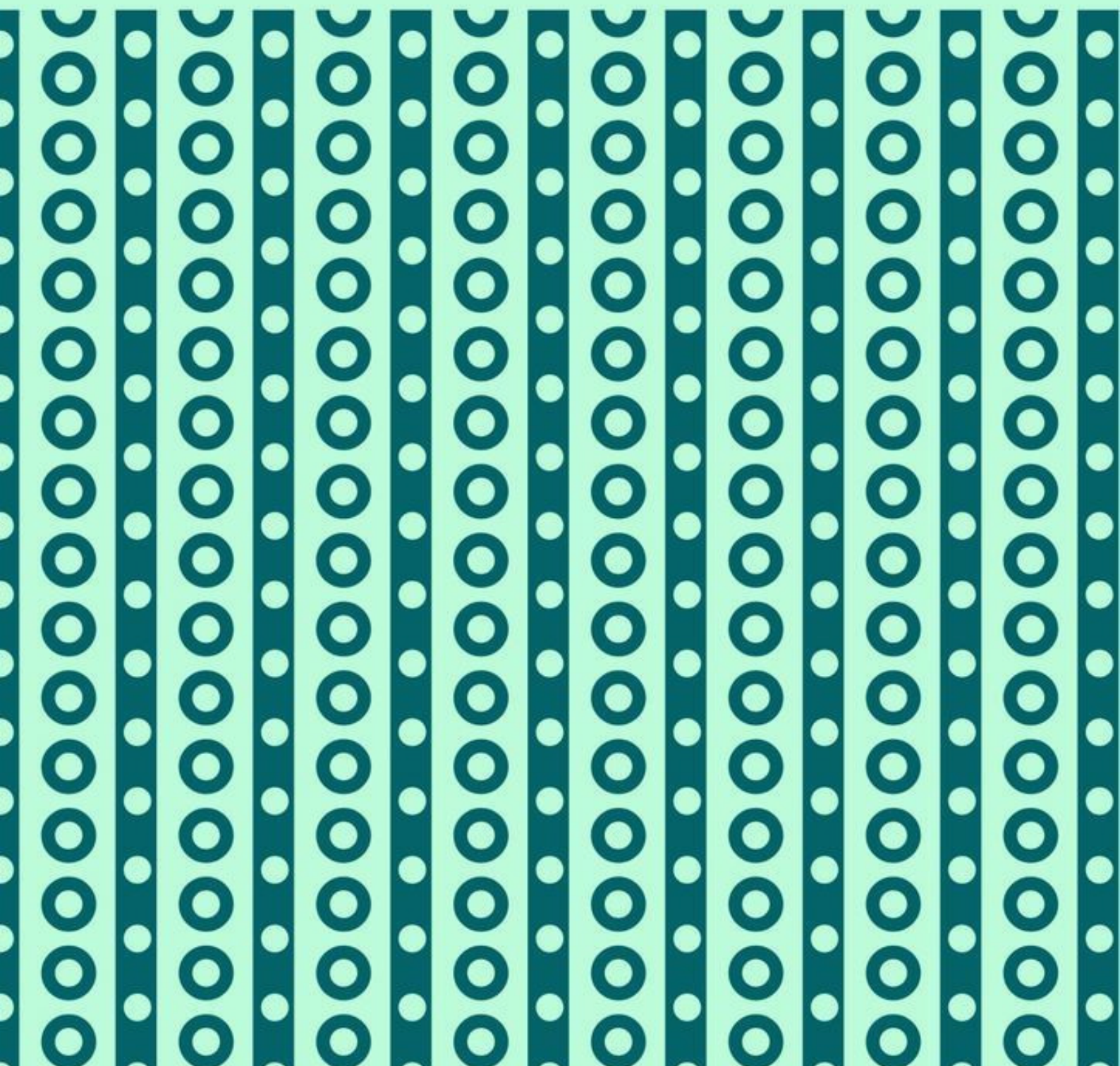

18+

Вячеслав Киктенко

Алфавит. Часть первая. А — К

Вячеслав Киктенко

Алфавит. Часть первая. А – К

«Издательские решения»

Киктенко В.

Алфавит. Часть первая. А – К / В. Киктенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517737-7

Собрание поэтических произведений Вячеслава Киктенко. Книга «АЛФАВИТ» составлена не как тематический, композиционно выстроенный сборник, здесь собраны стихотворения, написанные в разные годы, расположенные по заглавию или первой строчке, в строго алфавитном порядке. Отсюда название книги. Книга разделена на три части. Здесь — первая часть. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-517737-7

© Киктенко В.
© Издательские решения

Содержание

АЛФАВИТ	6
Часть первая	7
А – К	7
НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЕБЕ И НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДВАРЕНИЯ	8
АКВАРИУМ. СОЗДАНИЕ МИРА	9
КРАТКИЙ КУРС	15
АРОМАТНЫЕ ИГРУШКИ	16
АГАВА СНОВИДЕНИЙ	19
АПОКАЛИПСИС ПРЕДМЕСТЬЯ	20
АРШИН	23
АЯК-КАЛКАН*	26
ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ	27
АЛЛЕЯ СТАРЫХ ТОПОЛЕЙ	28
АНГЕЛ	29
БЕЛОВЕЖЬЕ	32
БЕРЁЗА БЕЛАЯ	34
БАБЬЕ ЛЕТО	36
БЛАЖЕННЫЙ НА МЕМОРИАЛЕ	38
БАЛЛАДА О КРОВНИКАХ	39
БАЛЛАДА О СНАЙПЕРЕ	40
БАЛЛАДА ОБ ИЗМЕНЕ	42
БАЛЛАДА ПИКИРУЮЩЕГО БТР	43
БАЛЛАДА ПРОХОДНОГО ДВОРА	46
БАНКИРЫ В ГОРАХ	49
БАРАЧНАЯ ПОВЕСТЬ	50
БЛАГОДАТЬ	51
БЕРЕГА	52
БЕДА	54
БЕЗБИЛЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК	57
БЛАЖЬ	59
БОЛЬНИЦА	61
БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК	63
БАЛЛАДА ОБ ОБРАТНОМ ПУТИ	65
БЫЛИНА МУДРОСТИ БЫЛОЙ	68
БАБЬИ РАДОСТИ	69
БАЛЛАДА 1969 ГОДА	71
БРОШЕННЫЙ ДОМ	72
2. «Кабы»	76
3. «Абы»	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Алфавит. Часть первая. А – К

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-7737-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-7738-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

АЛФАВИТ

Часть первая

А – К

Свод стихотворений В.В.Киктенко. В алфавитном порядке.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЕБЕ И НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДВАРЕНИЯ

Киктенко Вячеслав Вячеславович родился в 1952 году в Алма-Ате. В 1980 году закончил Литературный институт имени Горького в Москве. Работал в алматинском издательстве «Жалын», в журнале «Простор». Вначале литсотрудником, затем зав. отделом, затем главным редактором. Также был главным редактором журнала «Деловой мир Казахстана»,

Секретарем Союза писателей Казахстана. Автор поэтических книг, выходявших в Алма-Ате и в Москве: «Росла трава», «Свет корней», «Прикол-звезда», «Заповедник», «Баллады об обратном пути», «Альбом для стихов» и других: «Жазуши», «Жалын» (А-Ата), «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Москва». Публиковался в разных журналах и газетах. Автор прозапоэтических книг: «Неандертальца ищу...», «Таянье Тайны», «Певчий Гад», «Первый Поцелуй», «Античные басни про ЭТО» и других. А также рассказов, статей по культуре, публицистике. В 1997 году совершил паломничество по Святой Земле. По следам этого паломничества написал книгу: «Паломник. Беседа-путеводитель по Святой Земле».

С 1998 года живу в Москве. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий.

Домашний адрес: Москва, 105122, ул. Никитинская 21, корпус 1, кв. 71.

Тел. 8-499-164-02-69 – дом.

Мобильный: 8-906-732-92-45.

Стихи здесь собраны в единый файл, по алфавиту. Не отбирал, не выбраковывал, не делал сносок на принадлежность к той или иной книге или циклу. Многие из них вошли в отдельные книги, изданы, при желании можно найти в крупных библиотеках, в «Ленинке» точно. Другие пока живут лишь в виртуальной версии, выставлены на сервере Проза. Ру., некоторых других серверах и виртуальных библиотеках. Лучшими из книг считаю: «Волшебные стихи», «Предместье», «Удар» «Солнце золотое», «Альбом для стихов», «БЫ», «Баллады об обратном пути», «Волчьи песни», «Свободные стихотворения». Впрочем, дело теперь за читателем. Счастливого тебе пути, мой неизвестный брат, удачи, понимания, чувствования, а главное – радости. Да будет!

Часть первая. А – К

Буква А.

АКВАРИУМ. СОЗДАНИЕ МИРА

1.
Промыл песок и ровно уложил на дно...
Воткнул белыми корнями зелёные водоросли.
Обложил камушками...
Налил отстоявшейся воды...
Пустил улитку...
Пустил немного дафний...
Поднёс сачок с трепещущим комочком,
И вот —
Сверкнув чешуйкой,
Рыбка
Скользнула в воду...
Вильнув хвостом,
Она
Привычным жестом
Расправила и шлейф, и плавнички,
Став сразу
Медлительной и властной —
Золотой...

2.
– Добрый день, Золотая рыбка,
Как Вам плавалось, как спалось Вам?
Жалоб нет? Может, крупен песочек,
Иль ракушка слишком большая?..
Да не густо ль насажена травка,
Есть где плавать Вам?..
Бросила рыбка:
– Не юлил бы ты, что ли, о, старче,
Говорил бы уж сразу, что нужно...
– Не корыстен я, рыбка, не жаден,
Мне не нужно палат золочёных,
О корыте не будет и речи,
А старухи и нет ещё вовсе.
Я ведь просто к тебе, с разговором,
Понимаешь, душа не на месте...
– Ну, стонать ты горазд, как я вижу —
Мне в ответ Золотая рыбка —
Коли что напартачил, покайся,
Ты покаешься, тебе полегчает,
Ну, а коли уж каяться поздно,
То и плакаться тут – понапрасну...
– Да не всё еще поздно! – вскричал я,
Плунуть раз при твоём-то усердьи!..

Тем кончаются все разговоры

С нашим братом – подумала рыбка,
Поглядела на меня хитрым глазом
И сказала сущую правду:
– Али ты меня выловил в море?
Аль купил вчера на базаре?..

3.
Мне послышалось в слове Дафния
Что-то древнее,
Что-то давнее.
Уловите, как лично я,
Отзывы
В нем античной
Метаморфозы вы.
А удастся вам,
И увидите
Хлою с Дафнисом,
И Овидия.
Было,
Плавали в гулком море
Только Дафния,
Да Инфузория.
Будто срезана.
Косолоба.
Что-то есть в ней
И от Циклопа.
Что-то есть в ней от Энеиды,
Чем-то веет от Илиады,
Может, призрачный свет Атлантиды?
Или долгое эхо Эллады?
Но не знает (от этого именно,
Быть может, и в пасти сгинает?),
Сколь мизерней Дафния имени,
Которого —
Вовсе не знает!

4.
...в этом зелёном кубике оборвана связь с мирами.
Но всё кругом ещё хранит
Наследственную память о море,
О колыбели...
Змеино извиваются длинные плети стрелолиста.
Медленно качается широкий лист папоротника.
Всё так же,
От взмаха плавников
Вздывается мутное облачко ила...
И так же,
Осторожно и ловко,
Скользят меж растений светлыми полосками

Рыбы.

А в накрепко завинченной раковине
Живут ещё
Древние посвисты Океана —
Позывные...

Здесь всё ещё помнит о море,
О колыбели.

Смеркается.

В глубине комнаты мерцает продолговатый, Самосветящийся мир
С дафниями, улитками, травами, рыбками,
Мир так и не развившейся первоосновы,
Замкнутой за стеклом
Жизни...

...Смеркается.

В глубине комнаты светится пузырьёк
С золотыми червячками —
Так и не развившейся первоосновой земной жизни...

Аквариум.

***

Арыка говор голоса мешал,
И уплотнял свой голос голосами,
Которые наслаивались сами,
И сам себя в движенье продолжал.
Поцокивали звонко каблучки,
Пощаркивали старчески ботинки,
Подрагивали лодочки-хвоинки,
Подпрыгивали туфли-поплавки...
Журчал арык, очнувшийся в ночи,
И голоса скреплялись звёздной тягой,
Небесный свет, отяжелённый влагой,
Качали на ветвях карагачи.
Так жил асфальт, и так жила вода,
Как бы сама собой жила...
Но тяжко
Дышала, вся в огнях, многоэтажка,
Как изработавшаяся звезда.

***

А в лугах-то гоготати славно гусям-лебедям!..
А в торгах-то благодати – ни баском, ни лепетом.
Вор хитёр, попал, не выскользнешь из его объятий,
Поп мудёр, ему не выскажешь всех своих проклятиев,
А в кровях-то, поглядайте, искушенья свинские,
А в церквях-то – благодати, песни херувимские,

А как жить, не зная лиха, ни один не ведает,
Порадеет вор, и тихо в трапезной обедает.
А как жить на этом свете не святым, не грешникам,
Просто людям, просто детям, в школах неуспешникам,
А как жить-то, брат, на свете, не обидев ближнего,
Коли всё уже имети, да неймётся лишнего,
Лишь о бедах бормотати остаётся небедям...

А в лугах-то гоготати славно гусям-лебедям!

***

А весной там верба горит в розовой нежной опушке,
А зимой там избушку нежит белый и пушистый снег,
И всегда там живёт удивительный, в маленькой той избушке,
Седенький и мохнатый, старенький человек.
Он сидит себе там, в окошечко светло и ласково глядя,
А иногда на крылечко выходит – валенками потопотать,
Посмотреть, послушать, как речка поёт в ледяной ограде,
Как бежит себе, переливается... как она, как она там?
Речка та невеличка, старичка родимая дочка,
Как из-под горки выбежала, так и бежит от крыльца.
А за домиком нет ничего, только солнечных гор оторочка,
А речка журчит и ширится, и всем рассказывает про отца.
Она говорит сокровенное, что звать старичка Николай,
Что весь мир в глазах у него, а на дворе ни кола,
Что ему хорошо всегда, и зимой, и весной весёлой...
И почему-то радостно, что зовут его Николай.
Я не бывал там с детства, только как вспомню речку,
Домик у гор огромных, старичка, а над ним небеса,
Снова иду к восходу, к тому золотому крылечку,
Где не скрипнет ни половицы, родные поют голоса...

***

А под землёй, под первым грузным пластом,
Если срезать его – тоннель.
Он весь в проводах сплетённых корней,
Там червь идёт как тяжёлый состав,
Там плафонами матовыми панель
Вспыхивает, оголена...
И медленно озаряется чёрный дом
Всех мёртвых и всех живых,
И ясно становится, что к самому ядру
Подключены провода;
Они идут, разветвляясь вниз,
Как сутулые молнии, их
Добела перемывает молодой чернозём
И грозовая вода.
А над землёй, над сочными снами травы
Его высочество – Сад!

Он величав, и ветви его
Благородные посланцы корней,
Они выносят цветы на руках
В окруженье свежей листвы,
Они приносят золотые плоды
На праздник осенних дней.
Жизнь идёт по гулким, сырым корням,
Как чёрный поезд идёт,
День идёт сквозь ночь
По тоннелю мглы,
Как шахтёр с фонарём,
Тяжело,
И поднимается – из глубины —
До самого солнца, окрест,
До самого сердца, до тишины,
До песни – когда светло.

***

А у тебя гортензии, гортензии, гортензии,
А у меня претензии, претензии, претензии,
А у тебя настурции, настурции, настурции,
А у меня конструкции, конструкции, конструкции,
А у тебя сентенции, сентенции, сентенции,
А у меня концепции, концепции, концепции,
А у тебя дурацкие
инструкции
насущенные,
А у меня абстракции,
конструкции
несущие...

...и ты живёшь, моё несущее гнобя,
И я живу, твоё насущенное кляня,
А у тебя, а у тебя, а у тебя...
А у меня, а у меня, а у меня...

***

А ты боишься глаз внезапных!
Я буду на тебя смотреть,
Косясь, ползти, как пёс на запах,
А ты – бояться и гореть.
Уйдёшь, и нервно засмеёшься,
Тревогу притая в зрачке...
Но ты походишь, и вернёшься,
И сядешь вновь невдалеке,
Измученная, с волосами,
Распущенными на плечах...
Я затравлю тебя глазами,
Допью, домучаю в ночах!
Темна тропинка на болоте,

Смотри, не выпусти из ног,
Иди сюда, здесь пахнет плотью,
И бродит гиблый огонёк!..

***

А был мужчина на Земле, нечаянная радость,
Нежданный луч, нечаянное Ра,
Игрой весёлой хромосомных диких радуг
В мирах поправлен, сужен лишь на градус...
Зато какая ширилась Игра!
Как заиграло всё! Как поначалу ярок
Был женщины, земной хозяйки, лик!
Но заигралась, зарвалась, забыла,
сколь подарок
Невечен и велик.
Забыла, бедная, что гость такой не шалость,
Что звёзды в дом его к ней привели,
Что он – ракета, вертикаль, колосс,
и Фаллос,
Глядишь, отчалит от земли.
Лишь сотни тысяч лет каких-то погостил он,
А сколько пустозвонства и нытья
Хлебнул он здесь, в доме хозяйки милой!..
Пора, дружок, в нездешние края.
Ты знаешь, ты забыл кто ты, кто – Победитель,
Кто миллион братьев победил,
Пройдя сквозь материнскую обитель,
И снова к женщине сошёл. И у неё гостил.
И загостился, кажется... пора уж
Отчаливать ракетой в небеса...
А женщина опять (её уж не поправишь)
Самостоятельные явит чудеса.
Научится рожать без мужества и страсти,
И самозачинать, исторгнув из себя
Какую-нибудь взвесь, и целое на части
Разбрызгивать, ни капли не любя.
Тогда-то он и вспомнится сиротски,
В лесбийской полноте он вспомнится, урод,
Который врал, и пил, и вёл себя по-скотски,
И называл себя – Народ.
Народа нет. Нет женщин. Нет мужчины.
Есть месиво морщинистое, есть
Томление о том, что нежные морщины
Ракетой дикой распрямит когда-то Весть,
Нечаянная весть о том, что снова ярок
Огонь, и грусть о том, что кануло вчера,
О том, как нестареющ мог быть тот подарок!
Какой высокою могла быть та Игра!

КРАТКИЙ КУРС

...а вот Платон считал, что Аристотель
Зря не считал, что Мания есть плод
Любви царя небес в земном престоле,
Как некогда Сократ считал,
А вот
Собака Диоген считал, что финик
Ничуть не хуже солнца,
Что Колосс
По большей части действует как циник,
А не мудрит, и вёл себя, как пёс,
А Лейбниц вот считал, что мир – монада,
И что в миры иные нет путей,
А если разобраться, и не надо,
Крутись в родной монаде без затей
И не гордись,
А вот прегордый Гегель
Считал, что диалектикой миры
Сшибаются легко, навроде кегель,
Причём не выпадая из игры,
А Кант вот заявил категорично,
Что совесть основной императив,
Что вещь в себе тревожить неприлично,
Поскольку разум – чистый негатив,
А вот товарищ Маркс, почтя обманкой
Все блики сфер, допёр, что только труд
Воздвиг меж человеком и болванкой
Реальную вселенную,
Но тут
Бородачи Руси пошли рядиться
В мистический туман, и Соловьёв
Из Троицы нашёлкал триединство
В раю бесед, свиданий, соловьёв,
А вот Восток прозрел, что мы слепые,
Что зряче лишь незримое живёт...

А как же любомудры, Мать-София?
А мысль?
А философия?

А вот...

АРОМАТНЫЕ ИГРУШКИ

Умирать нехорошо.
Что такое? Год загодом,
Век за веком, род за родом!..

А в песочнице – свежо.
А в столярке – пахнет мёдом.

А в столярке дед-всевед
Гонит стружку из-под спуда.
Сад огромный, как рассвет,
Дарит яблоки вполпуда.
Дед всех лучше! Ладит он
Не для гроба заготовки,
А игрушки и обновки
Ароматные, как сон:
Солнце, слива, пастила,
Сад в улыбке длинной стружки...

Ароматные игрушки!
Агроматная пчела!

***

Ах, как душа запела, как запела!
Пронзилась чем-то вечным, дорогим,
И – разрослась в себе,
И – закипела...

Откуда охолонуло таким?

Оттуда. Всё оттуда, всё оттуда,
Где глыбы льдов разламывала кровь,
Где в жилах пламенела из-под спуда
Земли и предков страшная любовь.

*«...некому берёзу заломати,
Некому кудряву защипати...
Я пойду-пойду, погуляю,*

Белую берёзу заломаю,
*Выломлю я, гад, два пруточка,
Сделаю я, млад, два гудочка...»*

Огни и корчи крови, лютый холод,
Зелёная походочка равнин,
И – песня надо всем! И – чёрный хохот

Над барством беломраморных лепнин.

Откуда, и куда... Какая дикость!
Когда всё так ознобно, так свежо.
Душа запела... разберись, поди-кось...
И страстно, а и страшно. Хорошо.

***

А на куличках вновь сирень маячит.
В испарине земля, как рожаница.
На щепку щепка лезет, бедный мальчик
Готов на каждой девочке жениться.
Соседка есть по парте, вот уж, там уж...
Она – своя, не стыдно ничего.
Но девочка задумчива. «Уж замуж?
Оно бы в самый раз. Но за кого?
Ты бедный, Вань. А мамка ржёт за водкой:
Держи покрепче, девонька, штаны,
А папка ей поддакивает плёткой:
Растили сиськи мы не для шпаны!..

Куда податься бедному мальчонке?
Девчонка подросла – и нет девчонки.

***

А память снова возвращает к соснам
Тропинкой через холм, наискосок,
Там волосы дочурки пахнут солнцем
И бабочки садятся на висок.
Подрагивают крылья и ресницы,
Горячей смолкой топятся стволы,
Там облако, как будто снова снится
Среди вершин. Края его круглы.
Там взгляд стволов к вершинам запрокинут,
А те – в покое облако хранят:
Подует ветер, вправо передвинут,
Едва утихнет, влево наклонят.
Извечный спор природы и природы,
И он, непротокольный, тоже суд.
Кому столпы бесстрастной несвободы
Сейчас свой приговор произнесут?
Река небес свободна, яснолица,
И дерево свободно в свой черёд.
Скрипит сосна. Подрагивает птица.
И облако шарахается вброд.
А крохотная девочка в косынке,
В вольготные забредшая края,
Начальница иголки и травинки,
Хозяйка стрекозы и муравья.

***

Ахнут иглы – вспыхнет ёлка.
В новогоднюю пургу
В домик твой отправлюсь, долго
Буду путаться в снегу.
В окнах свет, конец недели,
Время к водке, к пирогам.
Струйки жаркие метели
Тонко вьются по ногам,
Двор со мной перебегают,
Проползают под дверьми,
У ствола изнемогает
Золотого...
Ты пойми,
Грустно им за дверью, в праздник...
Эту змейку подберу.
Ты не рада? Стол украсим —
Поползёт по серебру...

***

Антоновкой пахло в саду, и апортом
В соседнем саду, а внизу, у воды
Прохладной малиной и мокрым забором,
В овраге полощущем клочок бороды.
Там сырость живёт и зелёная вата,
Там срублена яблоня в тёмном углу,
Там к яблоне мох подползал виновато
И вверх – на три пальца – проплыл по стволу.
Там дух запустенья... но к вечеру планку
В заборе раздвинут, в воде постоят
И воду – тугими рывками – по шлангу
Движком перетянут и сад напоят...
Хозяин живёт в бороде и величьи,
Он любит по саду ходить в сапогах,
Не любит вывешивать знаки отличья
И любит сукно допотопных рубах.
Мы чай с ним под лампочкой пьём на веранде,
Он век говорить о соседях готов,
Он смотрит туда не антоновки ради,
А ради печальной хозяйки плодов.
Он вспомнит себя, он вдруг вспомнит солдата,
Вдруг вспомнит, смущаясь, ведь он не забыл,
Что сад его был мне соседним когда-то,
Не то чтобы мне, ну а всё-таки был,
Но он позабудет о странной соседке,
Он вспомнит иное совсем для меня,
Пока за оградой, в дому и в беседке,
Гасить перед сном не возьмутся огня.

АГАВА СНОВИДЕНИЙ

От стен отделяется гамма
И тянет волокна к ногам,
И влажное слово Агава
Восходит в соцветие гамм,
Трава золотых сновидений
Вплетает потерянный звук
В орнамент ползучих растений,
В тепло человеческих рук,
Из трав стебелёк выдвигая,
Несёт, тишину шевеля,
На кончике остром Агава
Тяжёлую гамму шмеля.

АПОКАЛИПСИС ПРЕДМЕСТЬЯ

Тётки пили, пили с детства,
Пил и папа, пила мама,
Всё спустили,
А в наследство
Перепала пилорама:
Вжик, вжик, вжик, вжик,
Я и баба и мужик,
Никого не люблю,
Кого хочешь распилю.
Где моя
Детвора?
Ни кола,
Ни двора.
Пилорама одна,
В ней сидит сатана:
Пилит, пилит, пилит, пилит,
Кружит, кружит, кружит, кружит...
Дети были б —
Нету мужа.
Нету бога,
Нету беса,
Вот уже и нету леса,
Вообще – ничего,
Вообще – никого.
Я одна во хмелю
Гольй воздух пилю.
Потому что я – Бог,
Потому что – стою
И толкаю под круг
Всю вселен-ну-ю...

***

Ах, как сложно мы с тобою говорим,
Иностранными словечками сорим.
Было проще всё. Я звал тебя. Ты шла.
Так зачем же про учёные дела,
Про влечение полов, про либидо...
Тропки те позаметало лебедой.
Так давай хоть на прощание вдвоём
Песню старую-престарую споём,
Да по-доброму вспомняем те года...

Лебеда ж ты, золотая лебеда!

***

А потом отвыкнут люди видеть рядом нас с тобою,

Отмерещатся перилам прикасання наших рук,
Город мгlistый просияет чьей-то новой судьбою,
Станем мы официальны. Так замкнётся первый круг.
А потом пойдут трамваи увозить кого-то в осень.
Круг второй замкнётся. Встреча, мной назначенная в семь,
Как прощанье не случится. На часах почтамта восемь.
Это третий круг замкнулся. И темно уже совсем.
Остается только город. Как на зеркальце наклонном,
Поплывут дожди и листья вниз по улочкам крутым,
И деревья в старом парке терпко, как одеколоном,
Вымокшим листом запахнут – потемневшим, золотым.
Только город остаётся. Здесь родился. Эта ёлка
Мной посажена. И встречу сам назначил. Не грущу.
Эта улица – знакома. Женщина – едва ль. И долго
Вслед ушедшему не надо, ни трамваю, ни плащу...

***

А сказка стоит на пороге столетий
И светится тихо, как звёзды и дети,
Сквозь марева эр и календ короба...
Кряжисто рублены мороки эти,
Что ни столетье – изба.
Наглухо рублены: солнцем, луною,
Хищною силищею неземною
Разума-зверя, ин дик и хоробр...
Сказка волшебной прошла стороною,
И девица – красна, и молодец – добр.
Прошла всё насквозь, и стоит на пороге,
Всё так же лучась через млечную тьму,
И рыцарь всё грезит о битве, о роке,
И бредит царевна побегом к нему,
Воды из ковша – и босая бежала бы,
Ах, кабы трава на дворе не кололася,
А ещё повилика противными жалами
Не отравила б отцова колодезя!..
Ни царь дурачок, ни царевна глупышка
Не поняли как им бездомье досталось,
А в домике умная белая мышка
Где кроется выход – уже догадалась.
Да кто их расскажет, распутает тайны,
Предаст эти веды и коды огласке,
Чудовища-джины? Машины-титаны?..
Гудят великаны, зарытые в Сказке.
Мембраны поют. Но всё так же, суглобо
Века, будто избы, молчат у дороги,
Рублены глухо, в лапу, и обло.
И сказка мерцает на каждом пороге.

***

А хочется просто любить – без посула, без лика, без облика,
А хочется просто побыть лёгким светом на трудной земле.
...о чистой звезде в скорлупе одинокого облака,
О красном фонарике на полупустом корабле...
Свечение лиц. Светофоры в ночи человечества.
Пунктиры любви. Путеводные вспышки во мгле.
...о чистой звезде занесённого снегом отечества,
О красном фонарике на полупустом корабле

АРШИН

...не имеете права! – Ответствует.
Кто таков? А никто. Пустельга.
Тому свечка, тому кочерга...
Но зато всему соответствует:
Рукаву пиджака,
Остроте клыка,
Языка длине,
Портмоне.
Уж и глаз у него! Окуляр, а не глаз.
«Вот луна – говорит – это спутник у нас,
Меньше звёздочки самой махонькой...»

Ну а дурню всё это – хаханьки:
– «Ох и врёшь – говорит, – ох, – смеётся – чудишь!
Ты аршином измерил её? Ан шишь!
Больше всех планет на земле Луна,
Потому лучше всех и видна.
Вот я в центре мира стою,
Вот я песенку, слышь, пою:

«Есть неодолимый глаз у дурака —
Мимо самолёта плыли облака,
Трюхала планета мимо космонавта,
Ехала деревня мимо мужика».

Нехорошая, скажете, песенка?

В Москву летел – шустрим бесом.
К соседке лез – пёр объездом.
К себе идёшь – заблудишь, пропадёшь,
Семь вёрст до небес, и всё лесом!

Потому что трудно в трёх соснах.

Тот на печке заблудился,
Этот в ложке утонул,
Тот не спал, а пробудился,
Этот спал, а не заснул.

Ничего себе, называется.

Глянешь – слабая бутылка, разглядишь – великан.
Думаешь, стаканчик скушал? Ан четвёртый стакан!
Ну, усатая селёдка, полосатая серёдка,
Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан.

Это всё называется – **ИСТИНА!**

***

А если без дураков, то сколько ангелов
Способно уместиться на конце иголки?
Не *малых сих*, плотненьких, нагленьких,
А *тех*, почти бестелесных и нежных – сколько?
Ведь даже кончик иголки тоже по сути – жильё.
А какая первая рифма к жилью? Жульё.
А сколько в жильё уместится жуликов?
Вопрос изжёванный, древле изжульканный,
Да и вообще, интересуется не это, а то
Почему самые обыкновенные люди в пальто
Давятся, как лошади в табунах, в квадратных метрах,
А те, которые без пальто, пылко блистают в холодных ветрах
И даже на конце иголки найдут себе место.
Почему же им никогда не бывает тесно?
Это вопрос.
Но не лукав ли вопрос, не спекулятивен?
Ангел есть ангел, другому почти не противен,
А человек человеку очень даже нередко – волк.
Вот именно, потому и не можем взять в толк
Простую вещь, что земному, грешному существу
На земле год от года становится всё тесней,
Ибо плоть разрастается, и не вместить её, такову,
В махонькую земелюшку, даже в большую поверхность на ней.
А вот чистому и безгрешному не страшен квартирный вопрос,
Более того, он совсем не земле неуместен,
Неуместен настолько, что давно сам себя перерос,
По-человечески жуликоват, по-философски спекулятивен,
По самой сути – нечестен.
Перерос сам себя Вопрос, и сам собой вырос в другой:
А что, если бы вся одетая человечия голь (в сущности – рвань)
Сбросила жир, одежду и похоть, и стала совсем нагой?
Впрочем, и этот вопрос на земле неуместен, и тоже, в сущности, дрянь.
Да, но уместен вопрос про кого?
А про него, про него, про него,
Не до л и м о е, не о с я ж а е м о е,
Деликатнее выразиться,
Существо.

***

..а потом поплыла паутина,
Повлеклась по ветвям, побрела
Вдоль калиток, клонясь, и руина
Мёртвой осени сад облегла.
Только дыма не вывелся запах,
Только зелень доспела в пруду,
Только яблоко в тёмных каплях

Птичьих клювов осталось в саду.
До прожилок пронизан ветрами.
Синим блеском проколот в ночах,
Сад с пустыми, слепыми ветвями
Чёрных птиц закачал на плечах.
Сбились к дому деревья, поближе
К тёплым стенам, и ходят вокруг,
И к окошкам склоняются ниже,
И суставы обмёрзшие трут.
К ним всё реже в калитку стучатся
И хозяйку не будят с утра,
И поёт вечерами все чаще
За сараями сталь топора.

АЯК-КАЛКАН*

Я слышал однажды поющие горы песчаные,
Я видел змею, что как рыба, спала в чешуе,
Я тронул её, она слушала пеньё, нещадные
Глаза её медленно перетекли в бытие
И вновь затвердели. И снова извечная жажда
Заполнила два, размагниченных пеньем, зрачка.
Поющие горы в пустыне под вечер я слышал однажды
И понял, что в мире повсюду от музыки боль и тоска,
Что музыкой в мире налажена тяга взаимная,
Что всё обратится к истоку, когда завывает земля...
Плоть рыбы и птицы, глаза человечьи, змеиные
Сольются, терзаясь и воспоминанья деля
О тех временах, когда вместе, в едином изгибе...
Но музыка в недра уходит, как в почву уходит вода.
Вот пух – это птице. Вот капля солёная – рыбе.
Песчинка – змее. Человеку – песок и звезда.

*

Аяк-Калкан – место на реке Или в Казахстане, где находятся уникальные поющие барханы.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Наташе

А чего ты хотел, козёл?
Среднерусская полоса.
Нищета городов и сёл.
Грустно блеет твоя коза.

Не козой бы ей стать, овцой,
Не козел по нутру баран,
Да восточную хитрецей
Обволакивающий Туран.

Не кори ты меня, коза,
Жизнь превратна, сказал Басё,
Среднерусская полоса
Наша родина. Вот и всё.

***

А что и вспомнишь – по весне,
Среди беседки, при луне,
Ещё совсем нестарый,
Стою себе с гитарой.
Не отворяет двор окон,
Зарыт плющём её балкон,
И слушает меня алкаш,
Один в ночи. И тот не наш.
Он будет, гад, благодарить.
Потом попросит закурить,
Потом попросит денег дать.
Потом чего-нибудь поддать...
А на дворе – весным-весна,
Над тополем – лунным-луна,
И я, такой нестарый,
Стою себе с гитарой...

АЛЛЕЯ СТАРЫХ ТОПОЛЕЙ

И в этот год невысокосный
Двадцать восьмого февраля
Кору, скрепляющую дёсны,
Вновь увлажнили тополя.
И вновь тела их дымно-жарки,
И вновь коры намокшей шлык,
Точно у загнанной овчарки
Бессильно свешенный язык,
И пеной нежною алея,
Земля несёт их вдоль полей,
Набегавшихся по аллеям,
Ещё урчащих тополей...

АНГЕЛ

Вот он сидит, раскачивается на стуле,
Упрямый подбородок положив
На спинку, обхватив её, сутулей,
Прозрачней прежнего, как будто покругив
По свету, им пронзён. И замкнут им. Уснули
Разряды гроз. Лишь в тонкожалом гуле
Ещё непреткновенный зуд угрозу каких-то жив...

Но это – вздор. Сферически объемя
Его, меня, наш освещённый кров,
Всю тьму, всю тварь за окнами, всю дышащую землю,
Всех нас колышет в лад аквариум миров.
А дальше – бездна. Переборки атмосферы
Прохластывают язычки её огня,
То заскребаясь молнией под дверью,
То чёрным телефоном подзвоня,
Облизывают нас – его, меня.
Но он молчит. И я молчу. Я верю —
Все тихо. Хорошо. Тому три дня
Как он пришёл...
Он шел, оскальзываясь в бездну,
Цепляясь за уступы, грохоча
По скалам сапогами, и железно,
На самой кромке мира, у плеча
Тяжелым автоматом равновесье
Поддерживал, и всё-таки, урча,
Она вползала в кровь, разворошённый улей
Инстинктов разносила вкривь и вкось
Ударом в пах кирзой, подлючей пулей,
Завинченной в чужие горы, сквозь
Живые лёгкие... они дышали...
Гроздь
Рябины на скале. И шорох в карауле.
И гнёт звезды, в грудь вбитой, будто гвоздь.

Он выскребся из липнувшей, тлетворной
Стихии, он рванул мою ночную дверь,
Его дурным огнём, меня дурниной чёрной
Обсасывала бездна. И теперь
На равных мы? Летит ещё позорный
Звонок сквозь класс: «Косяк... застукали в уборной...
Под суд, на эшафот, под школьный стяг!...»

Повторный
Тут рвётся кадр.
Сидят

Два друга.
Верь не верь,
Два взрослых гражданина. Зверь и зверь.
Но зверь, он молчалив. Судьба похлопотала
Чтоб скрыть во мне его. А вот вошел в мой дом
Не пасынок ли ей, обласканный немало,
Бывалый человек, все тридцать лет при нём,
И шрам, сломавший бровь, и орден. Что попало
Меняла жизнь, но кличек не меняла —
Он прежний Ангел, он за коньячком
Осел на полпути, отклокотавший ком
Ещё урчащих бурь, на полпути с обвала...

На равных мы? Но как нам быть отныне?
Наш суд, он где-то там, где страшные огни,
А мы одни, как тот, колеблемый в пустыне,
Тростник у кромки вод... глотни, еще глотни,
Мой Ангел, видит Бог, и я не благостыне
Вверялся бы, случись, как ты, и как они,
И я бы клокотал! Так вышло, извини,
Прости, но не судьба. Я знаю, ты в гордыне
Такого не простишь. Но ты повремени.
Сейчас потушим свет и ляжем спать. Лучами
Просквожены, вплынут архангелы твои,
Вооружённые слепящими очами
И яростью. Окончивши бои,
Они ведь обрели черты свои
Высокие, они-то нас ночами
И стерегут от чёрной полыньи,
Но, Боже мой, ведь ты, закрыв меня плечами,
Ты к ним так близок был! И вот, и вот они
Доносят весть: «И здесь,
И здесь легла граница,
Нам и теперь стоять на линии огня,
Разъярены миры, покой вам только снится,
Нам и не снится он. Самих себя казня,
Цари земли, мы все самоубийцы,
Страдальцы всех кровей и кровопийцы,
Обречены свой ад в себе воспламеня,
Нести его в миры, и продолжать рубиться
На рубежах уже совсем иного дня!
Вас прикрывая здесь от нечисти и скверны,
Ползущей из щелей, мы видим отчего
Мир в трещинах: огонь, сквозя неравномерно
По сферам, изнутри прожрать грозит его.
Мы вправе приказать: все очаги, каверны
Бесовские – в себе ищите, кто кого
Осилит, свет любви иль бездны колдовство,
Мы здесь прозрим. Мы знак дадим. Поверь мы

Вам безоглядно вновь, считай, что торжество
Той бездны. Мы в бою. И знайте, засквозила
Вдруг пустота в груди – мы знак вам подаём.
Тоска? Здесь правоту преодолела сила.
Вам беспокойно с женщиной вдвоём?
Здесь вашу душу прелесть искусила.
Теперь нам ясно всё, мы Богу предстаём,
Мы не одни в мирах, войдя в Его объём,
Но бездна... чтобы лад она не исказила,
Обязан всяк на уровне своём
Ей противостоять. Земля нас погасила.
Но мы-то – здесь, мы в срок вам протрубим подъём...».

Так вот где мы равны! Наш смутный спор отбросив
И одеяла, мы сидим. Вновь курим. Вновь молчком.
Скрипят лишь стулья. Мир так ясен, так знаком,
Какой тут бес, и кто – я, ты? Пустое вовсе.
А то, что где-то там, в ночи, под каблуком
Прохожего визжит, похлябывает осью
Телеги – это вздор. Не бездна же! Тайком
Иное там стоит, меж нас, в немом вопросе...

Ну хорошо, пусть я, не станет в горле ком,
Пусть льстит тебе, и всё ж... не стоит о таком.
...свистит, свистит в дырявой папиресе,
Попыхивает тихим огоньком.

Буква Б

БЕЛОВЕЖЬЕ

Родина, тоска!.. Куда же деться?
Родина забыла про меня.
Значит всё, чем околдован с детства,
Только свет болотного огня,
Бездна, миф, рассосанный трясиной?
Имя есть, да нет её самой.
Замысел есть Божий о России,
Где сама Россия, Боже мой?
Но ведь там, за гранью – миллионы,
Там тоска, сухая темень глаз!
Это что, слепые легионы,
Роющие свой кротовый лаз?
И пространств исхлябанная розмесь,
И разбойный посвист с облучка,
Это что, весь баснословный космос,
Чем очаровали дурачка?
За бредовым, смутным порубежьем
Неужели нет живой души,
Песнями и горем непроезжим
Слившими издревле рубежи?
Хоть извойся в горестной пустыне,
Никого! Лишь стыд. Один на всех.
Если бы не страшный грех унынья,
Впору бы отчаяться. Да грех...

***

Бог – от А до Я.
Зайди в любую избу,
Где края?
Центр в любой из букв.

Орнамент лица, переплёт
Морщин – знаньем горяч.
Ор сколь темна плоть
Вздор, если спор зряч.

В галактике букв, цифр
Любым завитком раскрывается и горит
Лабиринтов и недр шифр.
Спор крыт.

Приди к любому селу,
Печной огляди кут,
В красном постой углу,
Всё – тут.

Буквальна суть:

Подпол, чердак – низ, верх.

Матица – Млечный Путь.

Зерно – человек.

Встань в зоревую рань,

Центр огня угадай...

В любом сверкнет Божья грань.

Только сверкнуть дай.

БЫ (отрывочек)

...и рад бы видеть лад в кардиограммах

И воздуха нехватки не зная,

И счастлив бы любить лишь ближних самых,

Но что-то сердце стало уставать...

БЕРЁЗА БЕЛАЯ

Век под окном, как под призором,
Ни в чём не виноватая,
Голубоватая предзорьем,
Зарёю розоватая,
Могучих сил чередованье
Собою отразит равно,
И чьих очей очарованье
В стихах о ней отражено,
Всю блажь на свете принимая,
Всё видела, всё было встарь,
И юный май, и чуть хромая
Бредущий скареда сентябрь.
Вот он опять златые блёстки
Прибрав, запрет в ларях своих...
Но глянь, подросшие берёзки
Сперва легко подхватят их,
И вновь, качнув, подбросят – к высям,
Хотя никто и не просил,
И вряд ли ясен старым листьям
Вечнозелёный спор двух сил.
Давно его не понимая,
Привычней просто лечь во тьму...
И длится пряха глухонемая
Совсем неясно почему,
Но зачарованной царевной
У не вечернего окна
На переливы битвы древней
Глядит сквозь чары тишина,
Так пристально и затаённо
Глядит, что проступает вся
Изнанка света, упоённо
Переливающаяся,
Так ясно, что ясна лишь эта
Мощь в ратоборстве сил земных,
Склоняющая волны света
И поднимающая их...

***

Бабушка-побирушка,
Маленькая, как ведьма,
С распущенными волосами,
По переулкам бродит,
По закоулкам рыщет,
Под окнами свистом свищет,
В ворота ногой стучит,

И палку сжимает в костлявой горсти:
«Ты-ы, – говорит – пусти-и!..»

Не отворяют двери,
Бабушку не пускают...
Топчет бабушка листья,
Точит об камни ножик,
Шинкует, будто капусту,
Слёзы внутри котомки,
Шатается,
Приборматывает,
Шушукается с темнотой:
«А-а, – говорит – постой!..»

Город не любит нищих,
Трясущихся, сумасшедших,
Город от века к веку
Себе грядущее строит,
А нищий, он тот же нищий,
А он не обрящет, ищет,
И свистом пропащим свищет,
И будущее клянёт.

Бабушка-побирушка,
Кошмар городских подворотен,
Оборотень, привидение
Крадущееся сквозь века...
Свет ли сияет в камне,
Ставни стучат от ветра,
Бродит под окнами кто-то,
«У-у – говорит – тоска!..»

БАБЬЕ ЛЕТО

Не колёса закрипели в тишине,
Пятна в полночь проступили на луне.
Там три бабы расстилают рядно,
И поскрипывает веретено.
Так прядут, три бабы, века,
Облаков да небылиц наплели,
Распрядают над землёй облака
И затягивают души с земли.
В детстве слышал я – то их ворожба,
Это тянется над миром судьба,
Это в полночь, берега оголив,
Плачет в сердце океана
Отлив...

Так прядут они, три бабы, века,
Бабья жизнь, видать, не шибко сладка,
Коль по осени, в погожие дни,
Распускают свою пряжу они,
И томятся в эти дни, и грустят,
Паутинки, паутинки летят...
Это нить своей судьбы они жгут,
Светлой дымкой над землёю бегут,
Убегают в золотые края,
А выходит, вновь на круги своя,
Вновь, горбатясь, расстилают рядно,
И поскрипывает веретено...

***

Болезенки, болезенки,
Болезенки мои!..
А может быть, полезенки?
Огонь из полыньи.

Зачем звериной жаждою
Туманилась душа,
Зачем хворобой каждую
Тревожилась, дрожа?

Полезенки, полезенки,
Полезенки души...
Под лезвия!
Под лезвия!
Под белые
Ножи!..

Светла дорожка узкая,

Широкая темна,
Светла сторонка русская,
Больная сторона.

Болезенки, болезенки...
Измучили меня!
А может быть, полезенки,
Огни иного дня?

И видится безбольное
За болью дней и лет,
И все светлее дальнее,
И дальний, дальний свет...

БЛАЖЕННЫЙ НА МЕМОРИАЛЕ

Гля – пламынь!
Погля – камынь.
Прожилки, прожилки, прожил...
Лепый, гарный погость.
А вон тамо, под камынем – кость.
Кость, это Правда.
Правда, это труба, правда?
А что сверх кости – то пакость,
Патрубок сверх трубы,
Искус токмо, жир человеку и плен.
Паки и паки.
Плоть – тлен.
Прожилки, прожилки прожил...
А ты – жил?
Аль бо ты вовсе не жил,
Плоть нежил,
Гость?
Вишь, погость, а душа не в тоске,
Яко на небеси.
Така, вишь, окрест панорамаырь,
Ако на облаке!
– Лепо, мадамы?
– Мерсибо...
– Спаси...
Мадамы и господамы,
Шо цэ таке?

– **Мрамырь!**

БАЛЛАДА О КРОВНИКАХ

...и завязалась кровавая драка,
И зарезал он кровника своего,
И огромная, чёрная собака
Появилась возле дома его.
А дом его стоял на большой дороге,
Но он не скрылся, не ушел в бега,
Вверх лезвием топор положил на пороге
От грома и от врага.
Он жил как прежде, пел, смеялся,
Верил, смерть далека...
Но во время грозы боялся
Дотрагиваться до молока.
А власть сквозь пальцы на всё смотрела,
Подумаешь, один головорез
Порешил, удорожил другого, обычное дело...
Он клал под подушку обрез.
А собака кружила – молча, сонно,
И однажды, вскинув ружьё,
При повороте солнца он выстрелил в солнце
И три капли крови упали на неё.
И тогда три клыка проросли громадно,
И она погнала его, как лису,
И загнала его в лес, и клыки в него жадно
Вонзила – в папоротниковом лесу.
...родными в дом принесённый,
Умирая, последнюю песню он спел,
И вздохнул, и уже совсем просветлённый,
Облегчённо молвить успел:
«С самого детства смертником был я...
Это мне была предназначена кровная месть!
Затем его и убил я,
Чтобы спокойно спать и есть.
Да судьбы на кривой не объедешь, однако,
С самого рожденья кружила беда,
Наконец-то, наконец-то уйдет собака!
Она не уходила никогда...»

БАЛЛАДА О СНАЙПЕРЕ

Он убивал не поротно,
Он убивал – подробно.
Он бил не из пулемёта,
Он бил не из автомата,
По счёту ввинчивал пули
В прицельные рубежи.
Ему платили построчно,
То есть, платили поштучно,
То есть, платили подушно,
За каждую строчку души,
Души, убиенной пулей,
Высеченной штыками,
Вырубленной на камне
Дорожном в степной глуши.
Сам крест на его прицеле
Вставал, подрастая в «цейсе»
Российским крестом сосновым
На горькой степной земле,
И крестиком, отражённым
Глазом вооружённым,
К мундиру уже, со звоном
Слетал, уменьшаясь в стекле.
В надёжном и тёплом месте
Сидел на своём насесте,
Жевал бутерброд с икрой,
Песенку напевал,
Поигрывал на гармонии,
Могильный глазок в бетоне
Просматривал, и порою
Прищуривался наповал.
Он в тире стрелять учился,
Он в школе средне учился,
Но всё-таки научился
И намертво повторял
Урок затверженный, пулей
Отскакивавший от стенки,
Потом – не только от стенки,
Как песенка от зубов.

Он был не солдат, не воин,
И не был обеспокоен
Что участи удостоен
Могильщиков, гробовщиков.
Живёт он в надёжном месте,
К нему долетают вести,

Что судят их честь по чести,
Приятелей боевых,
Какие ему печали,
Слуге пусковой детали?
Он был приложением к стали.
Не был среди живых.

БАЛЛАДА ОБ ИЗМЕНЕ

Две верных подруги хранили меня
Когда я в мире царил,
И одна была горячей огня...
Я страстью её дарил.

Другая печальна была, бледна,
Вечерняя боль моя...
Что ни ночь, грустя, уходила она
В неведомые края.

И третья любовь у меня была...
Но никто не знал про неё,
Как она по ночам блистала и жгла
Старое сердце моё.

Она холодна была, далека
В мерцаньях вуалей, теней,
Я ждал, я темнел, когда облака
Меня разлучали с ней.

Но когда повадился князь молодой
Ночами кружить вокруг неё,
Когда полыхнуло изменой, бедой,
Я заточил лезвиё.

Я решил – пусть каждому по его делам,
Я сдёрнул с руки кольцо,
И выхватил меч, и рассёк пополам
Его золотое лицо!

Тогда задрожала, казнима виной,
Изменница в пепельной мгле,
И белый, как лунь, одной стороной
Изменник склонился к земле...

И много избылось лет с той поры,
Но его неизбывна вина:
Одной стороной озаряет миры,
Другая черным-черна.

И восходят цари, и уходят цари,
Но только со мною всегда:
Изменник-месяц, две верных зари,
И – вздрагивающая звезда.

БАЛЛАДА ПИКИРУЮЩЕГО БТР Николаю Шипилову

1.
В угаре, в аду озверевшей столицы,
Где нам не помог ни один бледнолицый
Шакал,
Ни квёлый таксист, ни калымящий дьявол,
Который лишь серой обдал, это я, мол,
В гробу вас видал.

Никто не помог нам до дому добраться...
Летели лучи, линовали пространство,
И вдруг, смяв их ритм, их размер,
Плечом растолкав за машиной машину,
Навстречу нам тяжко, один сквозь лавину,
Попёр БТР.

Ты помнишь водителя? Он был прекрасен.
Угрюм, краснорож, горбонос, безобразен,
Такого запомнишь навек.
Он мчал через ад в маскхалате пятнистом,
Ночной ягуар, он был тих и неистов,
Он был человек.

Он денег не спрашивал, молча нам веря,
Пускай мы устали, но мы же не звери,
Какой тут обман!
Москва содрогалась от поступи грузной,
Качался туман, предрассветный и грустный,
И звёздный бледнел Океан.

Туманны, смутны неземные приметы,
Страшны ароматы, пары, андромеды,
Миры в антрацитных мешках...
– Куда? – я рванулся к баранке сумбурно,
Но это не руль, а кольцо от Сатурна
Ходило в громадных руках.

– Зачем? Здесь же тьма, мы же ею зажаты!..
Но тихий вожак наш, водитель, вожатый
Безмолвно на землю кивнул,
И стало светлеть – в рубежах, где мы жили,
Уже не туманы вставали, дружины
В седой караул.

Вставали, как звёзды, туманные лики,
Стога и шеломы, кольчуги и пики

Вкруг дома, погоста, вокруг
Светающей песни, полынки, берёзки,
И маковки синие, частые слёзки,
Росили пылающий луг.

И стало вдруг ясно отсюда до боли,
Что так беззащитно священное поле,
Что нету другого пути,
Пускай у соседей иная слава,
Россия военная всё же держава,
Как тут ни крути.

Не север, не юг, не восток, и не запад,
А весь этот мир, его цвет, его запах
И трепет, и пыл,
Все реки любви, все моря откровенья,
Весь гнёт покаянья, весь свет исступленья
Здесь горько из тьмы проступил.

– Браток, там светает, а путь наш неблизкий...
И он развернул свой штурвал исполинский,
И вновь затомила стезя,
Уже резануло полынью, скорее,
Чем ближе Отчизна, тем горечь острее,
Иначе нельзя!..

2.
Так ясно увиделось это отсюда,
Из мглы далека, из озноба и худа,
Что стало понятно зачем
Вожатый нам выбрал маршрут наш окольный,
Не только же нечет и чад алкогольный
Маячит нам всем?

Но если не лгать, если руку на сердце,
Недурно и дёрнуть под утро, согреться.
Братишка, отметим полёт?
Пикируй в туман, к таксопарку, к болоту,
Отвалим карман молодому проглоту,
Развалим космический лёд.

И – было пике...

3.
Но уж очень гумозно
Кривился шакал за окошечком!
Грозно
Нахмурилась башни броня,
И – дрогнул шалман, заурчали ворота,

Ночную бутылъ закачало болото
В дымящихся проблесках дня.

Ты помнишь, как были чисты и морозны,
Грозою исхлѣстаны летние звѣзды,
Как жили свежо,
Распарены ливнем деревья и травы,
Как потный стопарь нехорошей отравы
Продрал хорошо?

Ты помнишь, как тот же калымящий дьявол
Нас вдруг подхватил, подмигнув: это я, мол,
Мол, вам от меня никуда?
И молча неслись мы, а дьявол довольный
Вещал нам и нечет, и чад алкогольный,
А мы ему: «Врѣшь. Ерунда.

Прихлопнем, и баста, и всё». Но покуда
Рассветно мерцала и пела посуда,
К плечу прислонившись плечом,
Мы, кажется, тоже мерцали и пели,
И думать-гадать ни о чём не хотели,
Как будто и впрямь ни о чём.

Но молча мы пили за женщин любимых,
За деток, Господнею волей хранимых
В ночи, где пылают стога,
За воина вечного в древнем шеломе,
Сквозь огонь пронизавшего в адском разломе
Огонь очага.

БАЛЛАДА ПРОХОДНОГО ДВОРА

Там росли сквозь золу золотые шары,
В каждой лужице там открывались миры.
Золотые дворы заповедного детства,
Проходные дворы.

Там весь год в кирпиче зацветает весна,
Зеленеет таинственной кладки стена,
Отделяя стоялое время подвала
От жилого окна.

Там в окошках, как в сказках, алеет огонь,
А взглядишься туда, в глубь минувших окон,
Там ликуют друзья из далёкого детства,
И не гаснет огонь.

А в окошке напротив старуха живёт,
Сквозь герань проступает свеча и киот,
Там читают, читают огромную книгу.
Её слушает кот.

Я пройду вдоль стены, я ведь здесь не чужой,
Двор ещё не расстался с моею душой,
Не она ль, вострепнувшись, спугнёт в подворотне
Огоньки с анашой?

Не она ль всё клянет той измены позор?
Там вершит над невесткой расправу свекор,
И, толпясь под окном, причитают старухи,
И бессилен весь двор.

А бесправный сынок, приникая к окну,
Умоляет в слезах отпустить *им* вину,
И боится отцова жгута, и жалеет
Молодую жену.

Проходные дворы, проходные дворы,
Ваши судьбы, как лезвия бритвы, остры,
Всем хватило простого и ясного света,
Всем достало муры.

В хлам старьёвщик совал крючковатую трость,
Зывали цыганки гадать на авось,
Самый мглистый проулок точильщика искры
Проточили насквозь.

А девчонке за ставнями чахнуть невмочь,
Сквозь сердечко глядеть на весеннюю ночь,
И въедается медленный червь назиданья
В непутёвую дочь.

Проходные дворы, проходные дворы,
Вы к заблудшим и падшим бывали добры,
Окна в полночь у вас расцветали, как в полдень
Золотые шары.

Отворялись фанерные двери на стук,
Под хмельком забредал горе мыкавший друг,
И цеплялись на сердце студёные тайны,
Будто ноша на крюк.

Так цеплял он за сердце, жестокий рассказ,
Так в сыром коридоре чернел керогаз,
Что темнело не только молчанье у взрослых,
Но и сказки у нас.

А для сказок росла над подвалом Труба,
Выше крыши росла, за скобою скоба,
Не кирпичики тёплые душу ей грели,
Небылиц короба.

Там, на пыльный приступок, под сумерки дня,
Забиралась трепещущая ребятня,
Отчинялось скрипуче знобящее слово,
И стихала возня.

*«Из морозной земли, из-за тех мёртвых рек
Объявился на чёрной ноге человек,
Колдовал по ночам, а из глаз его падал
Наколдованный снег.
Он в него подмешает волшебной руды,
Отнесёт в магазин, там накупит еды,
А к утру на прилавке кружки лишь белеют
От солёной воды...»*

Проходные дворы, проходные дворы,
Ваши выходы к свету по-детски мудры:
Подворотню, зажмурясь, минуешь, а дальше
Пламенеют костры!

Листья жгут, и тряпье обветшавшее жгут,
Обветшавшую ложь головешкой толкут,
Проходные дворы никому не солгали,
Никому не солгут.

Да, пожалуй, и нету их, этих дворов,
Ни зеркал не осталось, ни стен, ни ковров,
Но бессмертны и выходы их, и проходы,
И поленицы дров.

Да порой расцветают из давней поры
И горят сквозь полынь золотые шары,
Озаряют немеркнущим, призрачным светом
Проходные дворы...

***

Был службе-ангелу присвоен чин высокий
Ареопагом звёзд. Он изумился.
Навесил аксельбанты, снял хоромы
В каком-то из созвездий подороже,
Приятели былых нанял в швейцары,
Уверовал, что это всем награда
И оправданье – так угодно в горних,
Там не возводят в ранг высокий служку
Случайного, жест predeterminedенья
Сквозит в любом, уверовал, решение.
Он стал архангел...
Сны всегда превратны,
Но не настолько, чтобы знаком свыше
Вдруг пренебречь. Разбужен был и послан
К земле с оперативным легионом
Сопровождать волхвов...
Что было дальше?
Огни свечей, коленопреклоненья,
И вера – только в predeterminedенья.
В любой исход, что predeterminedён.

БАНКИРЫ В ГОРАХ

В осколке бокала кипело вино,
Пылающей лывой на голые скалы
Стекло, и пело, и выло оно,
И новые полнить велело бокалы.
Пирушка в горах стервенела. Кураж
Самцов возносил за прекрасные выси
Наглеющих тостов, и чокались, в раж
Входя, со скалой. И оскалась по-рысьи,
Их самочки нежно хихикали, хищь
Возможную чуя в банкирах, чьи взоры
Глупели, ликуя от брошенных тыщ...
И пели, вином обливаемы, горы.

БАРАЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Медленно покачивая тенью,
Лампочка плывет на парашюте,
Пряжками звеня, на луч в передней
Девочка бежит по коридору,
Крылышки её неотвратимый
Ветерок, гася, относит в кухню,
Где шуршащей газовой клешнёю
Ей сжимает маленькое сердце
Кто-то синий...

вдоль и вокруг барака
Длинного, разохшегося, время
Бродит...

раздвигая занавески,
Забредает к девушке прохожий —
Незнакомец, перикатиполе,
Василиск, кудесник, принц, кто знает,
Кто рассудит зной и трепет поля,
Если просто вспыхнула былинка
(По сердцу прошёлся странный ветер,
Взволновал), и если гость так статен,
Волоок, и тих, и знает слово,
Сладкими, нездешними речами
Распаляет сердце, разрывает
Платье, размыкает чистый пламень.
Огонёк прозрачный затворяет
В чёрную, клокочущую трубку,
Тянет тяжело, неторопливо,
Волосатый, ласковый, как дьявол,
И стихает, лёжа на топчане
С женщиной погаснувшей, сторожко
Слушает позвякиванье пряжек:
Девочка бежит по коридору.
Подрастают крылышки, пушатся,
Молодая кровь шумит, и зубы
Стискивает странник, и усмешку
Прячет за ресницами, и долго
Щурится, раздвинув ситцы, смотрит
С низкого топчана, смотрит, смотрит
В огонёк, чуть наискось, соседский,
В закуток мерцающий, сиротский...

БЛАГОДАТЬ

...и вот на базаре, у летней пивнушки,
Слегка потеснившей церковный забор,
Старуха, к ларьку подносящая кружки,
Бочком затесалась в наш путаный спор.
Блаженная, нищая, в древнем уборе,
Хрипела она, злость и горечь тая:
«Девушка пела в церковном хоре,
Я эта девушка, я!
Была я всех ярче, была всех прелестней,
Я пела при хоре, любила стихи,
Я помню, однажды заслушался песней
Поэт, отмоливший у Бога грехи.
Он всё описал, моё белое платье,
И пенье, и луч, и младенца Христа,
И всё он наврал, никакое проклятье
На нас не сошло ни с какого креста.
Бог всё рассудил, всем усталым награда
Досталась на том и на этом краю,
Чего не стерпели... а вышло, как надо.
Я пела про это. И снова пою.
И все корабли, обойдя вокруг света,
Назад воротились, и все наяву,
Он умер давно, и не знает про это,
А я это знаю, глядите – живу!
Старуха при храме, в пивной побирушка,
А век скоротала какой-никакой,
И труп его нищая эта старушка
Ещё шевельнёт, коли нужно, клюкой...»

Как будто опомнясь, рукой узловатой
Посуду сгребла, и скорее от нас,
Студентов, зевак. Мужичок-завсегдатай,
Довольный и гордый, дополнил рассказ:
«Во чешет! Откуда чего и берётся?
Видать, не из наших, из бывших, видать.
Ну, это, конечно, бывает, заврётся...
А как и соврёт, на душе – благодать!»

1970г.

БЕРЕГА

В огороде – бузина.
На базаре – редька.
В городе – дядька.
А может быть, тётка.
А может быть, ни хрена.
Хорошо, брат, на воле,
Там травушка в поле.
А и в лесу хорошо,
Дремуче, кошмарно.
А в квартире, брат, душно.
В пивной – угарно.
В семье – скушно.
Так и живём.
Что хорошо – любим,
А и любим,
Хотим не хотим,
Губим.
Вот ведь была
Девочка в классе
На любовь согласная.
Стала – мама.
Стала – баба.
Дала – дуба
Любовь первая, сладкая, грешная, чистая, ясная...

Проснёшься, бывало,
– А чей это голос?
А что это страшно, аж дыбом волос?
Меж ветел
Месяц даёт крен.
Средь ночи поднялся
Соловей? Петел?
Хрен!
То звала-зазывала,
Домой закликала
Юность.
Как говорил Есенин – лунность.
Можно сказать – июнность,
Июньская ночь в стогу,
Чёрная очь, поцелуй, ночь,
Луч на пустом берегу,
Ног, плеч, губ, глаз, рук, рек, млек, звезд
Неужто уже не сберечь?
Этой любви, жизни моей,
Этой последней,

Первой моей?..
Однако, не сберегу.
Так и живём.
Но ничего,
Всё при народе.
Бузина в огороде?
Рвём

БЕДА

Пришли и смотрят – пропало село.
Нету села. Развалины.
Дымят, и смотрят светло-светло
Калеки на завалинке:
Кого там ещё принесла дорога,
Раздавленная телегами?..
Идут, подходят, и строго-престрого,
Осердясь, говорят с калеками:
– «Где дом?»
– Водой унесло,
Дожди на село выпали.
– «Нету воды! Проморгали село!..»
– Нету. Быки выпили.
– «Где быки?»
– За бугор ушли,
Ушли и глаза выпучили...
– «Что за бугор? Одна степь в пыли!..»
– Черви бугор выточили.
– «Нету червей!» – засверкали глазами.
– Гуси червей извели.
– «Гуси? А где запропали сами?»
– Сами? В тростник ушли.
Ищут тростник (а глаза смутны).
– Девки тростник выжали.
– «Девки-то где?» (а глаза грустны).
– Девки? Все замуж вышли.
Смотрят кругом – ни мужей, ни ребят.
Воздух живых таит?
– Нету мужей. На войне стоят.
А война на мужьях стоит.
– «За что война?»
– Война за село,
За то, что дома горят.
– «А дома, говорят, водой унесло?..»
– Водой унесло, говорят.
– «А кто говорит?»
– А говорит никто...
Смотрят – и никого.
Смотрят – и сами уже ничто.
И вокруг – одно ничего.

***

Бедный садик мой осенний.
Дождик сеет, сеет, сеет,
Листья мокнут и висят.

Листья плачут. Сердце плачет.
Ничего уже не значит
Полуобморочный сад.
Кроме, разве что, намёка,
Что не зря листва намокла,
Что во всём есть тайный знак.
Разгадай, поди. Эвона,
С ветки крикает ворона,
Эта знает – крик, да крик.

***

Без будущего нет
Ни воздуха, ни смысла,
Мимотекущий свет,
Мимоступивший след,
Трясина, кривь и бред,
Кривое коромысло.
Так фосфорную нить,
Разомкнутую где-то,
Не воссоединить
С былым истоком света.
Скользнёт в ничто стезя,
Разинет зев, разя
Отсутствием, трясина...

Жить будущим нельзя.
Дышать невыносимо.

***

Была зима – растаяла,
Пришла весна – холодная.
Оставила, оставила
Голодного голодная.

И на черта оставила?
Расплакалась, растаяла...

А вышел добрый молодец,
А рассиялся весело,
Дохнул огнём и холодом —
Смешная, нос повесила.

В такое носом сунулась —
Опасный! И осунулась.

Обидою дурашною
До срока посеревшая,
Ещё и не пылавшая,
Уже перегоревшая.

Оставила, по дурости.
По серости, по шкурности.

Как в полусне по зёрнышку
Не попадает курочка,
Нет воли крикнуть горлышку,
Клюёшь-то мимо, дурочка,

Дурашенька, красавушка,
Не курочка, не павушка.

Сидишь себе, замотана
Какой-то тряпкой байковой.
Любовь как вечность? Вот она,
С подходцем хитрым, с байкою.

А может, зря оставила?
Растаяла, растаяла.

Как будтомышь привиделась
И тени, сплошь увечные,
Обиделась, обиделась
На шорохи запечные.

Мол, знаю всё, хаврошечка,
Всё вижу из окошечка.

О чём он там с коровою
Бормочет, моет вымечки?
А как была здоровою,
Лишь мне лелеял титечки.

И для чего оставила?
Горяч был. И растаяла.

А над окошком – лебеди,
А под окошком – вороны,
Едрёна мать, летети бы
На все четыре стороны!

Ах, кабы, кабы, кабы, кабы,
Кабы не дуры бабы...

БЕЗБИЛЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

О любви своей пропащей
Вдруг припомнил, захандрил.
Вышел из дому, из чащи
Выбрался. Стоял, курил.
Сам с собой толковал,
Поездам голосовал...

Электричка не взяла,
Просвистела, выскользнула,
Суставчатая стрела,
Вокзалами выскобленная.

Скорый не притормозил,
Огневой, свирепствующий,
Щёки вздул, изобразил
Вопль нераболепствующий.

Следом сквозь мазутный ил
Грузным лебедем проплыл
Тепловоз, надумывая,
Чистый, звонкий, налитой,
Грудь – с медалью золотой!
Взять не взял, раздумывая.

Взял который почерней,
Взял который почестней,
Шевеля колёсами,
Судача с путями,
Шатая насосами,
Отталкиваясь локтями,
Старый хрыч, бывалый пёс,
Он-то в толк всё сразу взял,
Он и сходенку поднёс,
Он и денежку не взял,
Поприжал в колёсах бег,
Поворчал отечески...
И поехал человек
Человечески.

***

Белым облаком, облаком, облаком
Тихая жизнь наполняется,
Словно войлоком
Сказочный, белый шатёр среди сонных степей одевается.
И вздохнёшь, и распустишь его,

Это облако белое, белое,
И уже ничего от него не останется,
Мысль оробелая.
Так лежать бы на хлопьях веков,
Да былинку надкусывать сладкую,
За волнениями облаков
Наблюдая украдкой,
Чтоб осталось душе
Только то, что цвело и звенело,
Колокольчики на меже,
За межою кусты чистотела,
Чтобы мысль, отлучась от сует
И урочного шума,
Безначальный один распускала бы свет,
Как начальная дума...

БЛАЖЬ

Грудь волосатую корявой пятернёй
Дурак расчёсывал, он драл её, весёлый,
Клонясь нагой, клопочущей стеной
К притихшей в уголке подружке голой.
Она дрожала, побирушка, нежный ком
Прозрачных пёрышек, певуньюшка, с морозу
Пригретая в каморке дураком,
И слушала богатую угрозу:
– «К тебе не я – смотри! – к тебе пришёл весь мир,
К тебе идёт вселенная, весь космос!
Ты чувствуешь торжественности миг?
Нет, ты не чувствуешь, а распускаешь космы.
Во мне – гляди – бушуют ураганы,
Гудят леса, встают столбы огня,
Во мне весь Путь – от глупой обезьяны
До волосатого Меня!
Пьют пламень звёзд корней моих насосы,
А ветви рек, налитых синевою,
Проводят заблудившиеся грозы
В упругий ствол хребтины становой,
И я расту, расту!..
Но я растаю,
И ты воспримешь, бледное дитя,
Кровями рухну я, и напитаю,
И ты вкусишь от вечного ломтя,
Ты будешь снова ради дня стараться,
На торжище плясать и голосить,
И душу раздирать, и побираться,
Но целую вселенную носить
Ты будешь,
Будешь миром тяжела,
Зерном его и звёздами светла...»
Приблизился, умолк. Она легла
И слушала себя: «Силён, бродяга.
С какими дураками не спала,
А этот приблажит и впрямь, однако...»
Ещё он видел – слабых вен толчки
На нежной шее, бледные виски,
И рот, пустынной жаждой воспалённый,
И – выжженные горечью солёной,
Еще не затоплённые зелёной,
Мерцающею вечностью
Зрачки...

***

Бормотанья из бурьяна

Травяного Великана,
Ядовитого дурмана заклинания:
«Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана...»
Да угрозы всё, да воспоминания.

Будто каменные острова,
Ходят в небе те слова,
И не ведать бы ночей с разговорами
Как он вышел из тумана,
Что он вынул из кармана,
Как решился – буду резать!
И добавил – буду пить
Под заборами...

Сказки мороком опели,
Розы чайные кипели,
Заплетались языки и травы длинные
Давней ночью, у забора,
А в саду поймали вора,
И пылали по углам кусты малиновые.

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана,
А за месяцем луна,
А луна...

Эти ночи за ночами,
Эти плечи за плечами...
Заворочал золотыми очами.

И стоит за ним жена,
А жена его – Луна,
И жена его белей полотна.

Там своё, там непонятно,
Голоса, и стон, и пятна,
– Буду резать...
– Буду бить...
– Всё одно тебе не быть...
– Буду демоном ходить,
Вероятно...

Давней ревности укоры.
Свет в окне. И тень у шторы.
И вода, и пахнет сыростью, бедой...
Отражённое сиянье,
Солнца противостоянье,
И в зелёном небе – месяц молодой!

БОЛЬНИЦА

В таком дому, в таком дому
Суди нас Бог, веди во тьму,
Но помоги на свет вернуться,
Не сдать и не отшатнуться
От этой бездны за стеной!
Там человек, весь костяной,
Весь исстрадавшийся, он стонет,
Подавлен мглою ледяной,
И мыслью угнетён больной,
И мысль его к добру не клонит.

А за пределами стекла
Так нежно жизнь проистекла,
Там брешут псы сторожевые,
Там Гончих Псов подстерегла
Стрельца зелёная игла,
Там шевелящаяся мгла
И звёзды тёплые, живые.

Там проступает зернь во мгле
Совсем не так, как на стекле
Предметном в мареве больницы,
Там зернь и влага звёздных спор,
Туда и устремляют взор
Любовь, надежду и призор
Здесь утерявшие зеницы...

***

Большая честь говорить с эпохой.
Не с собачонкой, заметь, лопаухой,
Не с вечностью даже, не со вселенной,
И не с девчонкой, а с непременно
Пряжемотальщицей, современной
Швеей, так сказать, мотористкой судеб.
О люди, люди! Но будет, будет.
Не столь уж постыдно, не так уж и плохо,
Эпоха, в общем-то, как эпоха,
Конечно, шлюха, но ведь и пряха?
Мотает в прах, и прядёт из праха.
Но почему говорить с эпохой?
Почему не с тем вон сухим джентльменом,
В кафе заседающем, и с его девчонкой?
Или хотя бы с тем вон крутым бизнесменом,
Хотя бы со шмыгающей между столов собачонкой?
Но плачет, плачет над самым ухом

Моя эпоха: мозги воздухам
Посотрясаем? Возьми, поохай,
Поговори ты со мной, эпохой,
Поплачь, поохай со мной, потрахай...
А знаешь, мила, пошла ты... в баню!
Я не хочу говорить с эпохой,
Я их имел, все твои соблазны,
Ловился, хватит. И безобразны
Твои посулы. В иные гумны
Я коlobком закачусь, я умный,
Там свет бессмертья, там всё иное.

– Поговори, дурачок, со мною...

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

Ах большой человек, большой человек,
Почему ты не любишь людей маленьких,
Не всегда, понимаешь, удаленьких?
Скажи, большой человек.

Вот ты ногу занёс на ступень —
Раз!
Вот ты руку вознёс над сердцами —
Два!
Вот ты слово своё произнёс,
Глаз
Поворачивая едва.

А они, мураши-мураши,
Копшатся, считают шиши,
Тащат крохи к себе в нору,
Про тебя сочиняют муру,
Похихикивают по углам,
Делят слёзку напополам,
Под тобой подпирают ступень...

Ну не будь же ты, словно пень!

Ты их, маленьких, в руку возьми,
Ты их тоже маленько пойми,
Не обидишь – и хорошо.
Пригодятся ишшо...
Одиночество, это горе.
Ты большой, ты наплакал море,
Корабли по нему пустил,
А ещё сильнее загрустил,
Одинокий, большой человек.

Я дурак, я тебя пожалею,
Я тебе любви пожелаю,
Если хочешь, с тобой погорюю,
Ну хотя бы с тобой покурю я, —
Ты возьми, со мной подыми,
Я ведь просто скажу, прими
Табачишки от дурачишки,
От стареющего мальчишки...

Дураков обижать нельзя,
Дураки, они умным друзья,
Любят правду молоть, неправду полоть,
От них многого можно послушаться, Надоумиться...

Ты ведь очень большой, ты ведь умница,
Ты людишкам скажи-возьми:
«Будьте искренними людьми,
Это, я доложу вам, силища!
Сколь ни будет лукаво страшилище,
Ему правды не обороть,
Вы ведь люди, вы ведь – народ!
Да и я вот за вас, я большой-пребольшой
Со своей агромадной душой.
Кто обидит маленьких, впредь
Будет дело со мною иметь!..»

Вот и будет всем хорошо.
И не быть твоему одиночеству,
И не плакать тебе над отечеством,
Одинокий, большой человек.
Ты ведь умный, возьмёшь и поймёшь,
Вот подумаешь, пообедаешь,
И всё по словам моим сделаешь...

Дураков обижать нельзя.
Дураки, умным друзья.
Только умные, те таятся.
А чего дураку бояться?

***

Будто это простое полено,
Из которого выдрали нерв,
Деревянные стены вселенной
Изнутри точит вдумчивый червь.

Под беспечною кроною лета
Он глюкозною грёзой поэта
Наливается, тих и багров,
И громадными гроздьями света
Осыпается осень миров...

БАЛЛАДА ОБ ОБРАТНОМ ПУТИ

*«Поди туда, не знаю куда,
Принеси то, не знаю что...»*

Седой математик, надсмотрщик чисел,
Однажды, презрев седину,
Свой голос упавший скрепил и возвысил,
Спросил молодую жену:

«Ну что это стало с тобою твориться?
Ты словно сама не в себе,
Какой-то бродяга, охотник, убийца,
Зачем он приходит к тебе?..»

Всем телом потягиваясь и сладко
Растягивая слова,
Жена отвечала разумно и гладко,
Привстав из постели едва:

«О чем это, милый? Он друг и приятель,
Тебе же я, милый, жена,
Ведь ты мой числитель, а я знаменатель —
Смеясь отвечала она,

Нас делят не только пространства и годы,
Где каждый своим дорожит,
Но есть же и грань, есть и кромка свободы,
Есть дробь, что меж нами лежит.

Ты знаешь, мне лестно тобою гордиться,
Но с кем коротать вечера?
И кстати, на ужин сегодняшней птица,
Подстреленная вчера...»

Взгрустнул математик, но виду не подал.
«Охотник! А чем не житьё?»
Контору сыскал, заявление подал,
Купил в магазине ружьё.

...в дремучем лесу, среди жути и теми,
Вставали стволы без конца,
И не было им ни числа, ни системы,
И зверь не бежал на ловца.

В дремучем лесу было сыро, нестройно,
И выстрел растаял в дыму.

Но с ветки корявой свисая, ворона
Прокаркала кривду ему:

«Дур-рак, право слово! Не знаючи брода,
Ищи переправы, мосты.
Тебе захотелось свободы? Свобода
Не примет такого, как ты.

Тебе захотелось прозрачного смысла?
На мрак наш тогда не пеняй,
Паси свои цифры, гоняй свои числа,
Да бабу почаще гоняй.

Хотя, если вправду, не те твои годы,
Чужое ты взял, не своё.
А с дробью не балуй, поскольку свобода
В тебя же направит её...»

Он взвесил слова, он прикинул – «Неверно!
Всё врёт она!» А посему
Гордыню возвысила старая стерва
И крякнула правду ему:

«Дурак ты дурак, на свободе ли, в хате ль,
Кому ты, мозглявый, нужон?
Покуда плутаешь здесь, твой знаменатель
Числителем там воспряжён.

Да что с неё спросу? Ты гнул свою спину,
Ты в ночь уходил, в забытьё,
А женщине, ей-то что нужно? Мужчину,
Чтоб весь, целиком – для неё...»

Стоял математик, ружьё своё чистил,
Былое в сердцах поминал:
«Я мерил всё в мире свободой чисел,
Я меры свободы не знал.

Я властвовал долго над тёмной стихией,
Я миру прибавил огня,
А тот проходимец наплёл чепухи ей
И вышел счастливей меня...»

Шатаясь, он брёл по сырým буеракам
На трассу, где в струнку столбы,
Добрёл и восстал поперёк её знаком
Расколотой дробью судьбы,

Обыденным знаком, не верящим в чудо,

Стоял, легковушку следил,
Не знавший куда, не узнавший откуда,
Забывший, зачем приходил.

Но тонко и ровно звенела дорога,
И город горел, как плакат,
И шли грузовые разумно и строго
На тихо стоящий закат.

БЫЛИНА МУДРОСТИ БЫЛОЙ

Урюк Араков, Арак Арыков,
Герои славных былинных дней!
Урюк покрякав, Арак порыкав,
Седлали верных своих коней.
Урюк был пьяный. Арак был очень.
Урюк шатался. Арак в арык
Урыл поране. Один как сочень,
Другой что кочень. Как бряк и брык.
Ура героям! В наваре густо,
Ура, капуста на бороде!
Какое дело, кому не пусто,
Кому не густо, незнамо где?
Урюк Араков был добрый парень.
Арак Арыков ещё добрей.
Какое дело, кто был не старень,
А просто парень, в заре кудрей.
О чём былина? О том былина,
Как жили мудро под кряк и рык,
О том, как бурно цвела долина,
Крепчал урюк и журчал арык.

БАБЬИ РАДОСТИ

Слава Господу, ночка была.
Слава Богу, денёк ещё есть.
Хоть на рожицу движется мгла,
Да денечёк-то выпит не весь.
Вот и пой, вот и пей, сирота,
Безмужичье кругом, нищета,
Глухомань, лень да пьянь, да тоска,
Чем привадишь его, мужика,
Хоть на времечко, хоть на часок?..

Ан пофартило – молод, высок,
Крался беглый один вдоль села,
Ковш водички ему поднесла,
Там и яблочка... там и винца...
И оставила спать молодца.

Ох и ночка была! Горяча...
Сладко выть у мужского плеча,
Налюбиться на краткий черёд,
Наораться на годы вперёд,
Сладко горькую быль поверять,
Ещё горше – к утру потерять...

Вышли к роще зарёй – благодать, благодать,
За туманом-травой – ничего не видать,
Только правда видна,
Только правда одна
Долюбить, излюбиться – до самого дна!
Ну а дно, оно вот, день склонился ко дну,
И допито вино, и не свалишь вину
На безвинного, в общем-то, здесь мужичка...

Вот и радуйся, вот и не сетуй, пока
Он глядит всей душой обожжённой
На твою красоту, на твою доброту...

Он глядит и глядит на тебя, сироту,
Отрешённо уже, отрешённо,
Муженёк на денек...

Вот, присел на пенёк,
Мурашами разворошённый,
И дымит, одинок,
Пых да пых огонек...

Муженёк... огонёк на денёк...
Слава Господу, хоть на денек!

БАЛЛАДА 1969 ГОДА

Осень. Солнце. Бахчи, травами заресниченные.
Тихий аул Баскунчи
С тихими пограничниками.
Как ты живёшь, аул? Ил тебя не затянул,
Иди облако пыли?..

А мы молодые были!

И убирать кукурузу выпало героическому,
Самому нежному вузу, филологическому.
Ольга, Наташа, Ленка, Боже мой, Ирка, Олька!..
Нас разделяла стенка тоненькая – и только.
Куда мы смотрели, дурни? Куда я глядел, дурак!?
Хотелось как покультурней, пообходительней как,
Как почестней, построже...
Таких уже не вернёшь.
Опыту бы! Но, Боже, в юности опыт – ложь.
И хорошо, что было пристально и светло.
Счастьем не ослепило, солнцем не обожгло.
Поздняя укоризна. Ровный, осенний зной.
Благодарю, Отчизна, судьбы не прошу иной.
Матери молодые, подруги мои, друзья,
Отсветы золотые вижу доньне я,
Лишь бы они светились, рощица та, бахчи,
Лишь бы не замутились вышки, карагачи,
Не пронизала тревога, не примерещился гул,
Это ведь так немного...

Как ты живёшь, аул?

БРОШЕННЫЙ ДОМ

1

Дом, где сквозь листву ночные фары
Шарили руками по стене,
Где шурум-бурум беря, татары
Полуднем маячили в окне,
Где точильщик в душном коридоре
Бритвой света с визгом, резал тьму —
Никого. Одно ночное горе,
Бледнокрылое, живёт в дому.
Свет в дому ночами... сбили с толка...
Я вошёл однажды на огни:
Пламя хоботком целует стёкла.
Ободок раздвоен, как магнит.
Лампочка расколота. В патроне
Вертикален огонёк свечи,
Там, в магнитной, огненной короне
Потемнел. Таится и молчит.

2

Ты возникла бабочкой тяжёлой,
Слёз глаза раскосые полны.
Под свечою, в окнах отраженной,
Как они печально зелены!
Крылья сложишь, в пух оправиишь плечи,
Коридор отправишься стеречь...
Здесь погубило что-то человечье.
Ты уже не помнишь нашу речь.
Полночь возникает между нами.
Пронесётся света полоса —
Тяжелы, зелёными огнями
Молча на лице стоят глаза.

3

Тени коридорные тягучи,
Над огнём колдуют мотыльки,
Нитей переборами живучи
В тёплой паутине потолки.
Лики фотокарточек кромешных,
Здесь забытых, скошены во тьму.
Путая живущих и умерших
Обитавших некогда в дому,
Я стоял, а в глубину подвала,
По перилам в срезах ножевых
Тень воспоминанья наплывала,
Крылышком кивала на живых.
Протянуло вновь, как в щель сифоня,
Холодком насмешливых людей...
Едкий огонёк стоит в плафоне,

Одинок и тонок, как злодей.

4

И когда окончилось пыланье,
И свеча почти изнемогла,
Крыса, обитавшая в чулане,
В дом воспоминания пришла.
Прошное растаскано по крохам,
Пол разбух, раздавлено стекло,
Раз и навсегда тяжёлым вздохом,
Будто мохом, стены пробрало.
Только рядом, тут же, за стеною
Тихий плач... да это чудеса,
Это откровение ночное —
Вспыхивают мёртвые глаза!
Вот она, крысиная надежда,
Вот он, след из юности, изволь:
Белая припушена одежда,
В тёплый пух закутанная моль
У свечного молится огрызка...
Подползти, дыханье хороня...
И – кричит по-человечьи крыса,
Руки вырывая из огня.

5

Дом, где ожидали долгой встречи,
Где пластинка пела в две слезы,
Свечи зажигали мы, и свечи
Нас оберегали от грозы,
Словно охраняли нас от счастья,
Словно заслоняли от судьбы...
Гнусного безвременья исчадья,
Грустного поветрия столпы.
А в окно дышала плоть растений,
Двигались на цыпочках цветы,
Встрепенуть пугаясь даже тени
Нас увещевавшей чистоты,
Набухали вымокшие почки,
Выпускали зыбкие ростки,
Чуткой вербой вздрагивали ночки
Зябкие, как девичьи соски.
Мы слепыми были. Наши встречи
Слишком чутко нежила весна.
Свечи начадили. Свечи, свечи...
До сих пор чадит ещё одна.

6

Помнишь, речкой тоненькой пронзался
Надвое тот холм, где мы потом...
Помнишь, с этих гор нам показался
Тёмным, и таким ненужным, Дом.

Помнишь... ничего он не напомним,
Если всё в той жизни сожжено.
Мы ушли из вычерпанных комнат.
Дом остался. Всё ему равно.
Дрогнут перед ним и эти травы,
Этих вишен ствольная броня.
Мы живём. И, слава Богу, здравы
Жизни у тебя и у меня.
Дом, где мы друг другу сладко снились,
Дом, где грани прошлого грубы,
Дом, где навсегда соединились
Два лица. Два дома. Две судьбы.

7

Сколько смеха в этом доме было!
Сколько унижений и потерь!
Кровь порой от слов недобрых стыла,
Стынет, если вспомнить, и теперь.
Кто я был? Отчаявшийся циник.
Осенью за прошлое корил,
А к весне, волнуясь, гиацинты,
Снова зацветавшие, дарил.
Снова прочь отчаянье, досада,
Вспомни лишь – раскаешься потом...
Только дома не было, не надо
Думать, что он был, какой-то Дом.
Хоть и есть, как видишь, дом без окон,
Этот дом, назначенный на слом,
Были только куколка и кокон,
Замкнутые ключиком в былом.

8

Жизнь текла не в праздничном убранстве,
В постоянстве будничном текла.
Куколке и кокону в пространстве
Развернули плавные крыла.
Дом, где мы грозой встречали полночь,
Где пластинка пела в две слезы...
Хочешь, я спрошу сейчас:
– А помнишь?
– Помню – ты ответишь из грозы.
Я переверну пластинку, хочешь,
Хочешь, распахну в июнь окно,
Хочешь, я спрошу тебя:
– А помнишь?
– Помню – ты ответишь всё равно.
Всё равно, сгоревшее сгорело,
Всё равно, мы тоже сожжены,
Всё равно, что нам однажды пело,
Пусть поёт с обратной стороны.

9

В коридоре лампочкой спалённой
Правит червячок ночной свечи.
Моль своею шалью запылённой
Метит, словно мелом, кирпичи,
Двигается в зелёном, гибком зное,
Но, огнем охвачена сплеча,
Вдруг срывает крылья за спиною,
Вновь по-человечески крича!
Присмотрись, из полымя передней
Женщина бросается во тьму...
Пальцами прижму огонь последний.
Тьма – последний свет в таком доме.

***

Белая водка под белой сиренью,
Май золотой.
Машет невеста, хмельная сирена,
Белой фатой.
Жарит баян довоенный с одышкой,
Пляшет жених.
Бел баянист, а глядится мальчишкой,
Это для них!
Пир на сиреновом пьяном бульваре,
Каждый прощён.
Лучшая свадьба не в дымном угаре
Хат и хрущёб,
Лучшая свадьба, как стихотворенье,
Всем налито.
Белая водка под белой сиренью
Самое то!

***

Бабым летом золотым,
Светом залитую
Золотой дракон целует
Деву золотую.
Дева нежная в траву
Наклоняет вежды
И роняет,
как листву,
На траву
Одежды...

***

«БЫ»

Триптих. 1. «Якобы». 2. «Кабы». 3. «Абы».)

«А» и «Б» сидели на трубе.

*«А» упало, «Б» пропало,
Кто остался на трубе?..»*

1. «Якобы»

Если б «бы», да «кабы»,
Да еще полутрезвое «якобы»
Довершали процесс опьянения бы
При отсутствии водки, как диво-грибы
Сослагательного наклонения —
То-то жизнь-то была б! Красота,
А не жизнь...

Ты ослаб?
Ты держись.

Гнет в дугу тебя косота?
Опьяняет абсурд?
Плюнь, окстись, здесь тверёзого нет ни черта,
Якобы есть халява, сиречь борзота,
На халяву – под нож,
На халяву – под суд...

Но, однако ж, и эта халява – «абы»,
Да «кабы».
Каб не зреть в сущий корень двояко бы —
Не двоился бы ствол.
Но – ветвятся дубы!
Но – абсурдные стол распирают грибы,
Да и самый абсурд этот – «якобы».

А без главного «Я» – и «кабы...»

2. «Кабы»

*«А» и «Б» сидели на трубе.
«А» упало, «Б» пропало...»*

Если бы да кабы
То блаженство, что спит под изнанкою
Упоительного «якобы»,
Извлекать мы умели, дабы
Обнаруживалась бы, хоть морзянкою,
Хоть невнятицею бытия
Потаённая явь —
Кровь неоновая
Прострочила бы, верно, озоновые
Супервывески новой края.
И, во всю поднебесную ширь,

Под небесною крышею
Наконец рассиялась бы жизнь
Всею правдою высшею!

Но и здесь (уж откуда, нивесть)
Завелась бы шишига какая, шишимора,
Аль бо мышь на крылах, нетопырь,
И уж эта бы тварь непременно,
Всё пресветлое в мире гнобя,
Вкось, зигзагами светопись рая дробя,
Сокровенные литеры путая,
Гнев бы вызвала (якобы на себя),
В искушенье ввергая какого-нибудь шелопута и
Тот, несчастный влюблённый, или пьяная просто свинья,
Каменюги швырял бы в неё
(Мимо мыши, конечно, но руша края
Дивной крыши) —
Ох, и сдал бы несчастный на волю бездомной судьбы
И себя, и, что хуже ещё для мечтательного бытия,
Искалеченное без родоначального «Я»,
Изувеченное в заварушке нетрезвой – «**Кабы**».

Вот уже и – «**Абы**...»

3. «**Абы**»

«...кто остался на трубе?..»

Кабы «**бы**», да «**кабы**»,
Да еще бы печальное «**якобы**»
О бессмертии речь завели, о веках,
О превратностях букв в свете личной судьбы,
Притулившихся абы как
К лесу суффиксов тёмных, к завоям корней,
От себя отторгающих всё, что длинней
Их теней,
Получилось бы так:
Всё, что сущего есть в этом мире, равно
Тут же делится надвое – свет и темно.
Явь и тайна. Безмолвье и речь.
Воцаряется свет – растворяется мгла.
Возгорается молвь – прогорает дотла
Тишина, деревенская печь.

Где одно – там другому не светит.
Разве что в полупризраках этих,
В этих странных уродцах любви
Словаря-бунтаря к за пределу всего,
Вдруг мерцают осколочки Целого.

Так давай, зазывай их, лови!
Вот они, эти «если», «кабы»,
Эти «якобы», в них от высокой судьбы,
Заземляемой день ото дня —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.